

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНИК

САША ВЕТРОВА
АЛЯ ПОЛЯКОВА

Тайный НАСЛЕДНИК КАВКАЗСКОГО МАГНАТА

Аля Полякова

**Тайный наследник для
кавказского магната**

«Автор»

2026

Полякова А.

Тайный наследник для кавказского магната / А. Полякова —
«Автор», 2026

Четыре года назад Рустем Алиев соблазнил меня, а когда я забеременела, сказал, что на таких как я не женятся, предложил деньги на аборт и уехал на Кавказ. Я рожала в одиночестве, но не сломалась. Выжила вопреки всему. И была бы счастлива больше никогда не видеть Алиева. Но судьба сыграла со мной злую шутку — он пришел в клинику, где я работаю медсестрой. Оказывается, после ранения он больше не может иметь детей. И теперь он хочет, чтобы его наследником стал мой сын. От автора: Альтернативный Кавказ !

© Полякова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Тайный наследник для кавказского магната

Глава 1

Ася

— Уфф, — влетаю в кабинет, который служит нам, младшему медицинскому персоналу, одновременно и раздевалкой и комнатой для приема пищи, на ходу стягивая пуховик. — На улице кошмар. Так метет, что автобус застрял за остановку до больницы. Пришлось пешком топать.

— Сегодня все опаздывают, — подтверждает Маша Игнатова, лаборант в нашей клинике, засовывая в рот овсяное печенье. — Даже летучку перенесли. Там кстати чайник горячий.

— Слава богу, — повесив пуховик на крючок, наклоняюсь, чтобы снять сапоги. — Иначе Борисович бы мне голову оторвал. Он мне еще после прошлого опоздания сказал, что я у него на карандаше.

— Ничего он тебе не сделает. Во-первых, ты мать-одиночка. А во-вторых, он к тебе неровно дышит. Уже и не знает, как еще привлечь внимание.

— Глупости!

— Ничего не глупости! Он таким взглядом тебя всякий раз провожает — знаешь, как пес провожает взглядом сочную косточку, которую мимо него проносят, — смеется Маша, видимо решив, что это удачное сравнение.

Я же, наконец, избавляюсь от верхней одежды, засовываю ноги в родные кроксы и, убедившись, что вода в чайнике еще не остыла, заливаю ей растворимый кофе.

Взгляд падает на старые настенные часы. Только восемь сорок, а я уже как выжатый лимон. Русланчик сегодня проснулся в ужасном настроении — капризничал, сам не желал одеваться, специально спрятал ключи, чтобы мы остались дома. Обычно я не сетую на судьбу, но в такие дни как сегодня приходится признать: с таким непростым характером, как у моего сына, мужская помощь в его воспитании была бы бесценна. Жаль только, что его отец, очень важная шишка Рустем Алиев, предпочел сделать вид, что нас не существует.

Удобно, конечно. Развлекаться с русской девчонкой, стать ее первым мужчиной, а потом сказать в лицо, что у нее нет принципов и на таких не женятся. И деньги на аборт дать, чтобы уже наверняка отвалить. Алиев в отношениях со мной выбил полное бинго.

Я отвлекаюсь от тяжелых мыслей, когда на наши с Машей телефоны синхронно приходят сообщения.

— О, летучка через три минуты, — сообщает подруга. — Ты кофе допила?

Залпом проглатываю остатки бурой жижи, в которую превратился сухой кофе три в одном, убираю телефон в карман своей хирургички и вместе с Игнатовой иду на традиционную планерку по понедельникам.

Летучка в этот раз проходит в сжатом формате — это и понятно, с девяти начинается прием пациентов. Главврач Гордиенко быстро пробегаются по графикам, сообщает, что терапевт Литвинцева заболела и ее смены возьмет на себя Грекова, а еще радуется всех первой хорошей новостью за утро — январской премии быть.

В приподнятом настроении собираюсь в свою лабораторию. С девяти до одиннадцати я забираю кровь по направлениям от наших врачей, так что мне пора. Наверняка там под дверью уже очередь как в Большой за билетами на “Щелкунчика”.

— Иванова, задержитесь, — летит в спину голос Борисовича.

Точнее, Игоря Борисовича Власова, формально моего начальника. Он работает в клинике врачом-травматологом и в последнее время проявляет повышенный интерес к моей

скромной персоне. Я, конечно, не верю в то, о чем болтает Маша о его романтических чувствах в мой адрес, но то, что я чувствую себя некомфортно рядом с ним — это уже факт.

— Да, Игорь Борисович? — оборачиваюсь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу.

Но Власов не спешит: дожидается, пока все сотрудники покинут переговорку, прикрывает дверь и только после этого смотрит на меня.

— Ася... — начинает он как-то напряженно отчего моя собственная тревожность возрастает до небес. Может, он хочет меня уволить? Может, ему все же надоели мои опоздания? Может быть?.. — У меня к вам два вопроса.

— Я слушаю.

— Сегодня после обеда ко мне на осмотр придет один важный пациент, нужна будет помощь с анализами. Развернутый анализ крови, желательно максимально быстро.

— Конечно, — отвечаю я, ощущая невероятное облегчение. Как минимум меня не уволят. — Можете на меня рассчитывать.

— Отлично, — Борисович кивает. — И еще... У меня есть два билета... В театр. Я подумал, что вам может быть это интересно.

— Два билета для меня? — переспрашиваю слегка растерянно.

— Ну, один для вас. И один для меня.

Ох. Вау. То есть, Маша права и он действительно приглашает меня на свидание? Мама дорогая... Я же вообще его в этом плане не воспринимаю. Ну то есть вообще. Он же Борисович. Немного нудный начальник, над которым мы порой посмеиваемся, хотя и врач от бога — этого не отнять. И что мне теперь делать? Как выкручиваться? Не в театр же идти с ним, в самом деле...

— А на какое число билеты?

Он видимо не ожидал этого вопроса, потому что на мгновение на его лице появляется растерянное выражение. Может у него и билетов-то нет? И он просто прощупывал почву?

— На эту субботу, — произносит он.

— Какая жалость, — я демонстративно развожу руками. — Как раз эта суббота у меня уже занята. Ну знаете, сына пригласили на детский день рождения. Нельзя не пойти.

— Да, понимаю, — тянет Борисович, смутившись.

— Вы можете позвать Ольгу Сергеевну из бухгалтерии, — предлагаю я. — Я слышала, что она жаловалась, что ей совершенно нечем заняться на выходных.

— М, да, спасибо, Ася, — мямлит он без всякого энтузиазма.

— Ну, все, я побежала. Анализы сами себя не соберут, — плоско шучу я и вылетаю за дверь.

Уф. Теперь осталось мне придумать железные алиби на все ближайшие выходные, и дело в шляпе. Надеюсь, Борисович скоро поймет, что нам с ним не по пути.

Несколько часов я верчусь как белка в колесе. Поток пациентов не прекращается ни на минуту, очередь за дверью лаборатории не уменьшается. Даже приходится отодвинуть обед, чтобы принять всех желающих расстаться с собственной кровью. И вот когда я, наконец, усаживаюсь напротив Маши со своим контейнером, в котором гречка и жареная курочка, на телефон приходит сообщение от Борисовича о том, что он немедленно ждет меня в процедурной.

Черт! Торопливо запихнув в рот кусок курицы, расстроено закрываю контейнер.

— Ты куда? — спрашивает подруга, потягивая чай из кружки. Ей везет, у нее день не через одно место — питается по графику.

— Возьму у “важной шишки”, которая собирается лечь под нож Власова, анализ на кровь и вернусь, — тарыхчу я, набрасывая на хирургичку белый халат.

Процедурный кабинет располагается на этаж ниже, поэтому я игнорирую лифт и спускаюсь по лестнице. У двери кабинета делаю глубокий вдох, чтобы привести в норму дыхание, и с улыбкой вхожу.

— Добрый день, сейчас возьму у вас анализы, — начинаю привычный монолог, но столбенею, когда замечаю на кушетке мужчину. Темноволосого, хмурого и... без рубашки.

Я смотрю на него, хлопая глазами, чувствуя как с космической скоростью летит в пятки сердце. И он тоже смотрит, явно шокированный моим появлением.

— Ася Юрьевна, это Рустем Вагитович, — вообще не в тему звучит подобострастный голос Борисовича. — У него мало времени. Приступайте.

Глава 2

В процедурной царит та разновидность напряженной тишины, которую можно разрезать скальпелем, и то я не уверена, что у меня получилось бы с первого раза.

Я стою, вцепившись в ручку тележки с инструментами, будто это спасательный круг на «Титанике», а вокруг меня не знакомый и привычный до боли кабинет, а ледяной океан в котором я неминуемую утону. Передо мной на кушетке сидит мой личный айсберг. Рустем Алиев. Без рубашки. Как нарочно.

Последний раз мы виделись четыре года назад, когда он унизил меня и растоптал все хорошее, что между нами было. С каменным лицом дал деньги на аборт и ни разу не оглянувшись уехал из города.

За эти четыре года я представляла нашу встречу раз сто.

Видела его нищим, больным, лысеющим и с пивным животиком. В своих самых сладких фантазиях я была при этом в новенькой шубке и на каблуках, которые были бы выше его самодовольного эго.

Реальность, как всегда, оказалась прозаичнее любой фантазии.

Рустем сидит сверля меня хмурым и пренебрежительным взглядом исподлобья. Не сразу замечаю его перевязанный бок и желтеющие остатки от гематом на ребрах. Несмотря на них выглядит он... черт возьми, даже лучше, чем раньше.

Время, гад, явно сработало на него, а не на меня. На мне сейчас старенькие кроксы, которые давно пора заменить, белый мятый халат, зеленая хирургичка, цвет которой мне совсем не идет, и выражение лица олуха царя небесного.

— Ася? — произносит Рустем и трясет головой, будто я ему померещилась.

Голос у него все тот же бархатный, пробирающий до мурашек и оседающий приятной тяжестью внизу живота. Ничуть не изменился. Видимо, тренировался, сволочь, на Кавказе, очаровывая местных овечек.

— Иванова Ася Юрьевна, — выдавливаю я, делая ударение на фамилии, которую он, ясное дело, давно забыл, да и зачем ему помнить об очередной девке, которую обрюхатил? — Сегодня я ваша медсестра.

Я двигаюсь, как механический робот из дешевого фантастического фильма, чтобы скрыть как трясутся руки.

Соберись, тряпка! — мысленно ору на себя. — *Алиев не должен видеть страх и нервозность. Тогда он может что-то заподозрить. Он просто пациент!*

Ага. Просто пациент и отец моего сына.

— Вы знакомы? — интересуется Борисович.

Он мельтешит где-то на периферии моего зрения, как назойливая муха, которую сейчас прихлопнут.

— Нет!

— Да.

Выпаливаем с Алиевым одновременно и смотрим друг на друга. Я — враждебно. Он — с мрачным любопытством.

— Нет? — выгибает Рустем темную бровь. — Мне показалось я вас где-то видел. У вас очень... Очень распространенное лицо, Ася Иванова.

О как!

Распространенное лицо? Теперь это так называется?

А четыре года назад мое лицо, видимо, казалось ему уникальным. До поры до времени, пока окончательно не надоело.

— Спасибо, — говорю я, натягивая перчатки с таким треском, будто хочу задушить в зародыше всех микробов в радиусе пяти метров. — Часто слышу. Руку, пожалуйста.

Он протягивает левую, правая у него забинтованная. Не знаю что с ним случилось и надеюсь мне хватит морально-волевых сил не задавать Борисовичу никаких вопросов.

Я жгутом перетягиваю мощный уцелевший бицепс Алиева с таким усердием, будто собираюсь не кровь взять, а конечность ампутировать. Ничего не могу поделать, хладнокровия мне явно не хватает.

— Сильно, — замечает он без выражения.

— Поработайте кулачком, — парирую, не моргнув глазом.

Спустя пару секунд я вонзаю иглу в вену. Слава богу, попадаю с первого раза. Маленькая победа.

Кровь идет темной струйкой в пробирку. Я меняю одну на другую, не глядя Алиеву в лицо. Смотрю только на его руку. На знакомую родинку чуть ниже локтя. На часы, которые стоят, наверное, как моя однокомнатная квартира, взятая в ипотеку.

Стараюсь абстрагироваться от воспоминаний, которые непрошеными гостями лезут ко мне в голову.

— Готово. Руку не нагружайте, синяка остаться не должно, — провожу стандартную инструкцию, забинтовывая сгиб локтя. Как ни стараюсь, пальцами все равно задеваю его кожу. Еще чуть-чуть и моя хваленая выдержка даст трещину. Пора уносить ноги. — Проверьте свои данные.

— Все верно.

— Я отнесу все в лабораторию. Игорь Борисович, вам еще что-то нужно? — разворачиваюсь к своему начальнику, спиной ощущая как Алиев буравит меня взглядом.

— Нет, Ась. Свободна. Так, Рустем Вагитович, завтра будут готовы анализы, можно планировать операцию, — суетится Власов, пока я толкаю свою тележку к выходу из процедурного. — Сложная у вас история, но мы постараемся все сделать в лучшем виде...

Дверь с мягким щелчком закрывается, поэтому я уже не слышу, что отвечает ему Алиев.

— Ась, ты что призрака увидела? — смеясь спрашивает Машка, когда я появляюсь на пороге лаборатории. — На тебе лица нет.

А мне совсем не до смеха. Передав ей пробирки с кровью Алиева, я без сил опускаюсь на кушетку и только сейчас замечаю, как у меня трясутся ноги.

— Хуже. Чудовище во плоти.

Глава 3

Время до конца рабочего дня я провожу в состоянии близком к панике. Вздрагиваю, когда звонит телефон, напрягаюсь, когда слышу в коридоре шаги, подпрыгиваю, когда кто-то заходит в кабинет. Виной всему, конечно, встреча с Алиевым.

Он давно уехал, расставшись с двадцатью миллилитрами своей драгоценной крови, и Власов больше меня не звал, но мне все равно не по себе. Я сегодня как будто приоткрыла дверь в далекое прошлое, которая четыре года была намертво заколочена досками и гвоздями.

И все же... Что там у Рустема за история? О чем говорил Борисович? Что за операцию они собираются делать? Сто процентов это связано с перевязанным боком и рубцом, которого раньше не было. Я знаю, потому что когда-то провела долгие часы в его постели, изучая потрясающе гибкое мускулистое тело. Такие раны, если меня не обманули мои глаза, бывают от огнестрельного ранения, да? Неужели Алиева подстрелили?

Можно было, конечно, спросить обо всем напрямую у Власова. Но, во-первых, это не мое дело, во-вторых, это мне не интересно и, в-третьих, чем меньше я знаю о Рустеме Алиеве, тем лучше. Этот человек — часть прошлого, которому нет места в моей теперешней жизни. Точка.

Вечером, закончив смену, торопливо собираюсь, чтобы сбежать до того, как закончит дела Маша. Она очень странно на меня весь день поглядывала, а у меня нет сил ни оправдаться, ни придумывать что-то, ни тем более говорить ей правду. Я вообще считаю, что этой идиотской реакцией на случайное столкновение с Алиевым предаю себя — этот тип не стоит ни одной моей нервной клетки.

Перед выходом на улицу, утепляюсь. Шапка, шарф, перчатки — все на месте. Погода отвратительная, все так же метет, а до остановки идти почти пять минут. Холодно даже думать об этом.

Попрощавшись с охранником, сбегаю по ступенькам клиники. Перехожу дорогу и иду, думая о том, как сейчас проеду шесть остановок на автобусе, заберу сына из сада и вместе мы зайдём в кофейню, чтобы купить два теплых круассана и дома слопать их с чаем. Но прежде чем я успеваю достигнуть остановки, у тротуара в десяти метрах передо мной тормозит большой чёрный джип. И хотя я давно отвыкла от подобных эффектных появлений, сейчас не сомневаюсь — это Алиев пожаловал. Воровские замашки кавказской диаспоры, к которой он принадлежит, я хорошо знаю — моя лучшая подруга Алия замужем за одним из их главарей.

Не успеваю даже испугаться как следует или обдумать свои дальнейшие действия, как Рустем выскакивает из машины и преграждает мне путь.

— Здравствуй, Ася, — тянет он, нависая надо мной.

В нем почти два метра ростом. Я тоже не маленькая, но ему едва достаю до плеча. И это бесит. Я сразу оказываюсь по отношению к Алиеву в невыгодном положении.

— Виделись, — бурчу я, нахмурившись.

— Что за тон? — он выразительно выгибает темную бровь.

— А ты чего ждал?

Понимаю, он не привык, чтобы с ним так разговаривали. Да и я в прошлом никогда не смела ему дерзить. Просто с тех пор много воды утекло — Алиев меня давно не интересует, никакого трепета в его отношении я больше не испытываю, а на хамство отвечать умею. К черту правила приличия — он мне никто и делать вид, что я рада встрече, бессмысленно.

Я не рада.

— Я ждал тихой беседы старых друзей.

— Ты мне не друг! — отрезаю я, ежась от очередного пронизывающего порыва ветра.

— Как скажешь, — соглашается Рустем на удивление быстро. — Но мне, например, было приятно увидеть тебя сегодня. Приятно и удивительно. Не ожидал, что ты станешь врачом.

— Я не врач, а медсестра, — поправляю я и тут же добавляю едко: — а учитывая твоё мнение обо мне четыре года назад, ты, наверное, ожидал увидеть меня танцующей приватные танцы в ночном клубе. Прости, что разочаровала.

Взгляд Алиева темнеет, а линия челюсти становится жестче. Ему явно не нравятся ни тон, которым я с ним разговариваю, ни слова, что говорю. А может быть просто мой укол попал в цель — во время нашего последнего разговора четыре года назад он вылил на меня ушат словесных помоев. Совершенно незаслуженных.

— Поужинай со мной сегодня, — спокойно произносит он, несмотря на искры недовольства в глазах. — Я в Москве ненадолго. Хотелось бы возобновить старые контакты.

— Извини, я занята, — отрезаю, оправившись от шока.

Это ж надо, как просто у него все получается! Неужели он всерьез рассчитывает, что я как ни в чем ни бывало пойду с ним куда-то после того, что было? Плюс, сама формулировка “старый контакт” звучит оскорбительно!

— У тебя кто-то есть? — спрашивает Рустем, сощутив глаза. Видимо, для него это единственная причина, по которой я могу отказаться от ужина с его дражайшей персоной.

— Да, у меня кто-то есть! — огрызаюсь я, пораженная его наглостью. *Этот кто-то — твой сын, о котором тебе знать совсем не обязательно.*

— Давай тогда хотя бы подвезу, — не сдается он. — Холодно.

— Мне не холодно, — бросаю я, пока мои зубы отбивают чечетку.

На самом деле сегодня *очень* холодно. И я бы с удовольствием прокатилась в теплой комфортной машине, если бы за рулем был кто угодно кроме Рустема Алиева.

— Брось, Ася, — тянет насмешливо. — Мне не сложно, а ты замёрзла.

— Послушай, *Рустем*, — я специально выделяю интонацией его имя. Раз уж он фамильярничаёт со мной, отвечу ему тем же, чтобы он не питал никаких иллюзий на мой счет. — Мне не интересно возобновлять *старые контакты*. Извини. И удачи.

Так как Алиев все еще преграждает мне прямой путь по тротуару, я торопливо обхожу его по проезжей части.

Пока мои ноги несут меня прочь от застывшего мужчины в направлении остановки, я почти жду, что он остановит меня. Окликнет. Схватит за руку. Или вновь горой встанет передо мной. Но ничего не происходит.

С бешено колотящимся сердцем я заскакиваю в очень удачно подошедший автобус. И молюсь про себя, чтобы на этом все и закончилось.

Глава 4

Русланчика из сада я забираю, когда в группе уже почти никого нет. Порой я задаюсь логичным вопросом, где работают все те мамочки, которые умудряются забирать ребенка до шести. Наверное, у них есть помощь в виде бабушек и дедушек, которой у меня нет и никогда не было. И супруг, с которым можно разделить заботы. А может быть, отдав ребенка в сад, они не бегут сломя голову на работу, как это делаю я, а используют свободное время с пользой для себя. Роскошь, которую я себе позволить не могу — нужно зарабатывать, чтобы мы с сыном могли выживать.

Нет, я не жалею. Меня устраивает моя жизнь. Но порой очень хочется банально выпасться, сходить в кино с подружкой или просто полежать на диване хоть час без необходимости что-то стирать, готовить или убирать. Те, кто идеализирует материнство, просто никогда не оставались один на один с ребенком. Еще и таким характерным как мой. Вспыльчивость и упрямство у него явно от того же человека, который наградил его темно-кариими глазами и непокорной иссиня-черной шевелюрой.

Будто в компенсацию за утренние капризы, вечером Руслан ведет себя образцово. А может быть просто чувствует, что после встречи с его отцом я на грани и дает мне столь необходимую передышку.

Пока мы добираемся домой, я стараюсь шутить и улыбаться, но напряжение никуда не уходит. Почему-то мне страшно, хотя для этого нет никаких объективных причин. Рустем не знает, что я сохранила нашего ребенка. И никогда об этом не узнает. Но дурное предчувствие не позволяет мне расслабиться.

Дома мы с Русланом ужинаем приготовленными на скорую руку макаронами с сыром, потом, как я и планировала, пьем чай с круассанами. А когда сын усаживается перед телевизором смотреть положенную ему перед сном серию мультика, я беру в руки телефон и набираю Алию.

Она — моя лучшая подруга еще со школьных времен. Нас не смогли разлучить ни ее фанатичные родители, ни ее замужество на одном из боссов кавказской диаспоры. Я бы сказала *мафии*, но Алия меня за это не простит — она без ума от своего мужа и мир видит через розовые очки. Да и как не видеть? Они с Маратом Усмановым принадлежат к одному миру, который к ним и их союзу благосклонен, а вот я-чужачка, столкнувшись с этим же самым миром, огребла по полной. До сих пор кошмары мучают.

— Ася, привет! — радостно щебечет Алия в трубку, не дождавшись моего приветствия. — Не поверишь, я как раз хотела тебе позвонить.

— Ну, сегодня я первая. Как дела?

— Хорошо все, Ась. А у тебя?

— Ты знала, что Рустем в городе? — выпаливаю я, не в состоянии болтать о мелочах, когда меня сегодня едва не разорвало от взрыва бомбы.

На несколько секунд в трубке становится тихо. Потом слышны торопливые шаги.

— Извини. Я ушла в комнату, чтобы Марат нас не слышал, — шепчет Алия. — Я знала, да. Он утром неожиданно заявился к нам, а потом они с Маратом ушли в кабинет. Как я понимаю, это незапланированный визит. Ни Марат, ни даже Булат не знали, что он объявится в Москве после стольких лет. Постой... А ты откуда знаешь?

Я тяжело вздыхаю, глядя на темную макушку сына, которая виднеется из-за спинки дивана.

— Случайно столкнулась с ним в клинике.

— Это, наверное, связано с тем ранением, — произносит подруга.

— Каким ранением?

— Подробностей я не знаю. Марат мне такое не рассказывает, ты же знаешь. Но в прошлом году на Рустема и его людей напали в Махачкале. Несколько человек погибло. У Рустема было огнестрельное ранение. Он выкарабкался, но почки задело. И вроде бы еще какие-то осложнения были.

— А мне почему не рассказывала? — спрашиваю взвинчено. Отчего-то мысль о том, что Рустема могли убить, заставляет меня разнервничаться с новой силой.

— Ась, ну ты же сама говорила, что не хочешь ничего о нем знать... И... Я не знаю. Не хотела лишний раз напоминать тебе, — в голосе Алии звучит неподдельное сожаление. К тому же, в целом она права. Я не хотела ничего о нем знать, потому что боялась, что начни подруга рассказывать, я узнаю что-то, что окончательно разобьет мне сердце. Например то, что Рустем женился на одной из кавказских девственниц, которую ему присмотрела мамаша, или что у него родился сын. Такой же темноволосый и своевольный мальчик, как у меня.

— У меня перед глазами каждый день напоминание... — усмехаюсь невесело, прерывая возникшую паузу. — Русланчик просто как две капли воды...

— Знаю. И боюсь, скрывать это и дальше будет все сложнее... — бормочет Алиа.

Я навсегда буду благодарна подруге за то, что она сохранила мой секрет ото всех, даже от своего мужа, которому бесконечно предана. Во многом благодаря ей и ее моральной и финансовой помощи о том, что мой ребенок — это сын Рустема, не знает ни одна живая душа. И я планирую сделать все от меня зависящее, чтобы все так и осталось.

— Это уже мои заботы. Как-то же скрывали до этого? Ты, главное, придержишься нашей легенды. Вот и все.

— Ты же знаешь, что можешь быть уверена, что я не проболтаюсь.

— Знаю. И очень это ценю.

— Ладно, — цокает Алиа. — Так и что? Вы с ним просто увиделись и все? В клинике?

— Мне пришлось взять у него кровь на анализ, — признаюсь я. — А потом он приглашал меня на ужин.

— Ого! А ты?

— А что я? Я его, конечно, послала куда подальше.

Алиа тихо смеется. Немного напряженно, но искренне.

— Вот даже не сомневалась в тебе, Ась.

— А что мне оставалось делать? Вообще не понимаю, зачем ему со мной ужинать.

— Ну... Насколько я знаю, он все еще не женат. Может быть, он понял свою ошибку...

— Или он просто решил, что снова сможет со мной развлечься. По старой памяти, — выталкиваю с горечью. — Без обязательств. Я же русская, со мной можно...

— Ась...

— Да не надо меня утешать, Алиа, — перебиваю подругу. — Я же не дура. Все прекрасно понимаю. Мы из разных миров.

— А что если...

— Без если! — отрезаю я. — Ничего не изменилось. Надеюсь, это была наша последняя встреча, и я больше никогда его не увижу.

Глава 5

— Не так! Я хочу целый! Новый! Не так! — вопит Русланчик, отодвигая от себя тарелку с кашей и *нарезанным бананом*, и спрыгивает на пол, грозно топнув ножкой.

Господи, ну почему именно сегодня мой трехлетка решил показать свой характер и отстоять целостность банана? Нового у меня как назло нет, поэтому я всеми силами пытаюсь уговорить сына съесть тот, что есть, и не устраивать трагедию. Безуспешно, естественно. Руслан вошел в роль обиженного и обделенного и намерен упиваться своей истерикой и моей беспомощностью до конца.

Сегодня вторник. И обычно я очень люблю вторники, потому что моя смена в клинике начинается чуть позже обычно. Я высыпаюсь, принимаю душ и готовлю Руслану завтрак. Обычно это блинчики или сырники, но вчера, после встречи с Алиевым, я была в таком стрессе, что забыла заглянуть по пути домой в супермаркет.

— Сынок, может подойдет целое яблочко, а бананчик оставим таким?

— Нет! Склей его! — топает ногой мой принципиальный мальчишка.

Руслан в синей пижаме с пестрыми динозаврами, кажется, вот-вот расплачется... У него настоящая трагедия вселенского масштаба — порезанный кружочками банан. И глупой матери эту трагедию не понять.

А у меня голова кругом.

Это должно было быть уютное домашнее утро, а вместо этого я пытаюсь устранить последствия своей оплошности. Обычно я спрашиваю какой банан хочет сын, но не в этот раз. В этот раз все мои мысли занимал его гребанный папаша!

Вернулся весь такой красивый и харизматичный. Подвезти хотел, улыбался и шутил шутки, словно не он четыре года назад выкинул меня из своей жизни как старую тряпку в мусорное ведро.

Чертов Рустем Алиев!

Мой сын — его маленькая копия, и к сожалению не только внешне, характер ему тоже остался от отца вместе с горячей кавказской кровью. Воспитывать Руслана одной очень непросто. Ему явно нужна мужская фигура перед глазами, а еще лучше — полная семья. Счастливые мама и папа. Знаю, это утопия. Алиеву мы не нужны. Ему не нужен сын. А мне не нужен Рустем. Но мечтать о партнере, который примет моего сына, мне никто не может запретить!

— Сделаю, что смогу. Мне бы сейчас не помешала волшебная палочка и заклинание “Репаро”, да сынок?

— Да.

Руслан поддакивает неотрывно наблюдая, как я сгребая липкие, уже покрывающиеся кашей кружочки банан обратно. Пытаюсь соорудить из этой бесформенной массы подобие чего-то цельного. Получается нечто жалкое, похожее на разбитый желтый пазл. Все это время я подпрыгиваю на одной ноге, пытаюсь дотянуть вторую колготку, и краем глаза ловлю стрелку на часах.

Сердце падает куда-то вниз.

Как размеренное утро успело превратиться в хаос? Через сорок минут нужно отвезти Руслана в сад и бежать на работу.

— Вот, видишь? Почти как новый! — показываю я сыну. — Мама склеила!

Сын замолкает на секунду. Карие глаза, точь-в-точь его отцовские, изучают «творение». В них мелькает сомнение.

— Банан тошнит кашей. Я не хочу такой банан.

— Ладно... Тогда яблочко добавить?

— Да, — чуть подумав выдает серьезно сын. — Целое.

Целое так целое.

Пока Руслан ест кашу в прикуску с яблоком. Я, запихнув в рот остатки отвергнутого банан, наконец натягиваю колготки.

Когда тарелка с кашей почти чиста, а на моем лице более-менее подобие макияжа, я обнимаю сына, пахнущего молоком, яблоком и детской сладостью. Невероятный запах, самый лучший, ни с чем другим не сравнимый!

— Молодец, теперь пойдем выбирать штанишки. Зеленые или синие? — спрашиваю, заглядывая в серьезные карие глаза Руслана.

Как же он похож на отца... Сегодня я об этом думаю чаще чем обычно.

— Красные, — решительно отвечает он.

— Красные в стирке, сынок... — когда я вижу, как у сына начинают дрожать губы спешно добавляю. — Красные так красные.

Руслан доверчиво прижимается ко мне. Мир восстановлен. Ценой моих последних нервных клеток и кривой стрелки на глазу.

На работу я приезжаю, выжатая как лимон. Время только половина первого дня, а по мне словно самосвал проехал.

Пока я переодеваюсь в нашей каморке, то и дело кошусь в окно, будто за ним может внезапно материализоваться черный джип. Разумом понимаю, что Рустему вряд ли придет в голову дежурить под больницей, как несчастному влюбленному подростку. Если он объявится — то по делу. И целью его визита буду не я, а Власов.

— Успокойся, — строго говорю себе вслух, натягивая через голову хирургичку. — Обычный рабочий день.

Однако обычность дня пошатывается, едва я выхожу в коридор. Игорь Борисович, словно выросший из-под земли, преграждает мне путь к лаборатории.

Он что караулил меня под дверью?

— Ася Юрьевна, доброе утро. Вы сегодня просто сияете, — произносит он с улыбкой, от которой у меня неприятно сводит желудок.

“Сияю, как помойное ведро в полночь”, — думаю я, но вслух просто вежливо киваю:

— Доброе, Игорь Борисович.

— Мне показалось, что вчера вы были чем-то расстроены, — продолжает он, изучая мое лицо. — Как я понял, вы знакомы с Рустемом Алиевым. Все хорошо?

Да, просто он — отец моего ребенка, которого я не видела четыре года. И вчера появился как черт из табакерки. Подумаешь, мелочь!

— Все прекрасно, — парирую я, ощущая как потеют ладони. — Я уже и не помню у кого вчера брала кровь, пациенты у меня как конвейер, перед глазами только остаются пробирки с кровью и листы результатов.

— Понимаю, понимаю... — Он мнетя, покручивая в руках стетоскоп. — Ася, я тут подумал... Может, увидимся в среду после смены? Кофе попьем, просто по-человечески поговорим, вне клиники. У вас ведь в среду день укороченный?

О, нет. Он снова за свое. И теперь уже не сослаться на занятость в выходные. Надо было резать, не дожидаясь перитонита. В смысле твердо сказать Борисовичу “нет”. Но меня смущает, что он мой начальник и у него есть некая власть в клинике и надо мной, а мне черт возьми, очень нужна эта работа.

— Игорь Борисович, вы очень любезны и я бы с удовольствием, но... — я делаю максимально сожалеюще лицо, — с ребенком так сложно строить долгосрочные планы. Руслан то температурит, то у него утренники, то рвота фонтаном среди ночи... В общем, я не могу ничего вам обещать, да и не только вам. Вообще никому...

Хочется верить, что у меня получилось максимально корректно разрулить ситуацию. Но Власов мгновенно мрачнеет, а вежливая улыбка сползает с его лица.

— Ясно, — говорит он сухо. — Тогда перейдем к делам. В лаборатории подвезли новую партию материалов для анализов. Карты нужно разобрать и рассортировать. Все срочное поднимайте ко мне наверх. И, Ася, — он делает многозначительную паузу, глядя на меня поверх очков, — анализы Алиева Рустема. Они в приоритете. Важный пациент, операцию нельзя затягивать. Приносите мне результаты, как только будут готовы.

Мое сердце, только-только успокоившееся, снова устраивает чечетку где-то в районе горла.

Этот “важный пациент” везде!

— Конечно, — отвечаю я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — А... Игорь Борисович, вы не знаете, что с ним случилось? Просто... чтобы понимать, на что обратить внимание в расшифровке.

Власов смотрит на меня с подозрением, но я невинно хлопаю ресницами, надеясь, что он сочтет этот вопрос за профессиональный интерес.

— Огнестрельное ранение годовой давности, осложнения на почки, — сухо констатирует он факты, которые я и так знаю от Алии. — Детали — врачебная тайна и не наше с вами дело. Главное для нас и нашей клиники — качество и скорость работы. Да, Ася Юрьевна?

— Совершенно верно, — киваю я, чувствуя, как по спине бежит холодок.

Весь день я провожу в монотонном, почти механическом труде: разбор карт, сортировка, маркировка. Руки работают сами, а голова занята Алиевым, чтоб его понос пробрал.

Ближе к концу смены, когда за окном уже сгущаются синие сумерки, а мне пора бежать в садик, звонит телефон.

— Ась, привет! Ты на работе? — спрашивает Алиа.

— Еще пятнадцать минут и уйду, — устало отвечаю я, откидываясь на спинку стула и подавляя зевоту.

— Слушай, Марат в эти выходные уезжает по делам. Утром в субботу, а вернется только в воскресенье к обеду. Я тут подумала... Может, вы с Русланом приедете к нам? Дети поиграют, мы поболтаем.

— Замечательная идея. Русланчик будет в восторге.

— Отлично! Тогда договорились! В субботу ждем вас. Ничего не бери, все у меня есть. Мы еще немного болтаем о пустяках и прощаемся.

Спускаясь вечером по ступенькам главного входа, я устало улыбаюсь охраннику и толкнув плечом дверь, оказываюсь на свежем воздухе, жадно его вдыхая. Несмотря на усталость, я планирую немного погулять с Русланом после садика — обещала, что он покатается на ледяной горке у нашего дома. К тому же, чем сильнее он устанет, тем быстрее заснет. Еще одну сцену типа утренней, я сегодня не вывезу.

Иду в сторону остановки и вдруг... Замираю.

На противоположной стороне улицы, в тени отъезжающего от тротуара грузовика, припаркован большой черный автомобиль Рустема Алиева.

Он не таясь смотрит на меня, опустив стекло и будто бы не заботясь о том, что холодный воздух проникает к нему в роскошный и наверняка теплый салон.

— Пошел к черту, — бормочу себе под нос и поворачиваюсь к нему спиной.

Глава 6

Остаток недели проходит без серьезных происшествий. Анализы у Алиева хорошие — хоть сейчас в космос. Только кератин повышен, с чем в нашем отделении успешно борются капельницами. Я знаю, что Рустем еще несколько раз приходил на прием к Власову, делал узи в отделении ультразвуковой терапии и, судя по графику хирургии, в который я совершенно случайно заглянула, его операция запланирована на следующую среду. Если все пойдет по плану, то через неделю или максимум две, Рустем Алиев снова исчезнет из клиники, а вместе с тем и из моей жизни. И я, наконец, смогу выдохнуть.

Со вторника, когда я заметила его припаркованную у обочины машину и демонстративно пошла в другую сторону, мы больше не пересекались. Возможно, он понял мой молчаливый намек и решил, что призрачный шанс на возобновление знакомства не стоит его усилий. Меня это полностью устраивает. Чем меньше у нас точек соприкосновения, тем лучше.

В пятницу вечером мы созваниваемся с Алией, подтверждая планы. Марат уезжает на рассвете, поэтому мы с Русланчиком поедem в дом к Усмановым сразу после завтрака. Подруга сказала, что мальчиков будет развлекать няня, а мы с ней сможем поболтать и немного отдохнуть. Господи, только за это обещание “отдохнуть” я уже готова расцеловать Алию.

Несмотря на разный бэкграунд, веру и финансовые возможности, мы с ней смогли пронести дружбу через годы. Когда-то давно, еще на заре ее семейной жизни с Усмановым, я помогла ей сбежать от него. Нашел он беглянку тоже с моей подачи, но только после того как я убедилась в том, что он от Алии без ума и ни за что ее не обидит. Думала, что после того случая Марат запретит нам общаться, но он оказался куда более покладистым, чем другие кавказские мужья. Я знаю, что он от меня не в восторге, но ради Алии терпит. Впрочем, мы с ним почти не видимся — это часть нашей с подругой стратегии по сокрытию подробностей биографии моего сына. Рустем — человек Марата. Если бы Усманов узнал, что я родила ребенка от Алиева, а не от какого-то безымянного русского, моей спокойной жизни пришел бы конец.

Алия с Дамириком на руках встречает нас на пороге их роскошного дома в одном из элитных поселков недалеко от Барвихи. Усмановы переехали сюда почти сразу после рождения Дамира — по словам подруги, это был подарок Марата за сына. Мне за сына досталось только пособие матери-одиночки, но вины Алии в этом, конечно, нет. Подруга, с молчаливого согласия мужа, и так помогла мне всем, чем только могла — и кредитом на первоначальный взнос по ипотеке, и полным комплектом одежды и принадлежностей для новорожденного. Да и сейчас, на правах названной крестной мамы, она оплачивает занятия Руслана с логопедом и уроки плавания.

— Наконец-то! — Алия крепко обнимает меня. — Дамиричик все утро спрашивает, когда вы приедете.

— Мы торопились как могли, — смеюсь я. — Как ты понимаешь, я в той же ситуации. С вечера только о поездке к вам в гости и говорили.

Как только я снимаю с Руслана теплый комбинезон и сапожки, они с Дамириком уносятся в детскую. Сын обожает бывать в гостях у Усмановых. Пока он не задает вопросов, почему у его друга есть столько всего, чего нет у него, но я уже предчувствую все то, что предстоит объяснять мне в будущем о неравных возможностях наших семей.

— Ну, ты как? — спрашивает Алия, когда мы усаживаемся за барные стулья на модной кухне. Несмотря на то, что еще нет и обеда, подруга разливает по бокалам красное вино.

— Хреново, — отвечаю с мрачным смешком.

— Это даже лучше, чем я ожидала! — она поднимает бокал. — Выпьем же за это.

Наши бокалы соприкасаются, издавая мелодичный перезвон. И мы с наслаждением делаем по глотку насыщенного напитка.

Вот поэтому я обожаю Алию — в ней нет ни грамма чопорности и прочего дерьма, которое проявляется в женщинах с тем уровнем жизни, что есть у нее. А еще она очень тонко чувствует меня — врать ей, что меня не затронуло появление в городе Рустема, просто нет смысла.

— У него операция на следующей неделе, — говорю я. — Надеюсь, потом он быстренько укатит восвояси.

— Я пыталась осторожно узнать что-то у Марата, но он неохотно делится такими вещами. Если бы я настаивала, это бы вызвало подозрения, — с сожалением произносит подруга.

— Да мне и не надо ничего знать, — отрезаю я, делая еще глоток из бокала. — Его жизнь меня не касается.

Алия сочувственно кивает, подвигая ко мне дощечку с закусками.

— Как дела в клинике? — меняет тему.

Я с готовностью рассказываю ей о сложностях работы младшего медицинского персонала, сетую на внезапные подкаты Власова, делюсь новостью об обещанной руководством премии. Алия в ответ рассказывает мне про очередной конфликт с ее безумными родителями и по секрету — что они с Маратом планируют второго ребенка.

Я понимаю желание Алии и поддерживаю его — когда-то я тоже мечтала о большой семье и я очень хотела бы, чтобы у Русланчика был братик или сестричка. Но мои мечты давно разбились о берега моей реальности.

Примерно через час, покормив детей и оставив их на попечение няни, мы с подругой перемещаемся из кухни на цокольный этаж дома, где расположен крытый бассейн и сауна.

Потягиваясь после заплыва на лежаке, я ощущаю как по телу разливается приятная усталость, а мысли приходят в состояние спокойствия. Вот это я понимаю отдых! Не зря после дня у Усмановых я обычно чувствую себя так, словно побывала на курорте.

Внезапно где-то сверху хлопает дверь.

— Странно, — Алия поднимается с соседнего лежака. — Мы никого не ждем. А няне не разрешено выпускать детей на улицу.

Едва обретенное спокойствие улетучивается со скоростью света. Синхронно накинув халаты, мы с подругой взбегаем по лестнице вверх в просторную прихожую. И тут мой мир разлетается окончательно, потому что одновременно происходят две вещи, которые я не могла представить себе даже в страшном сне: мои глаза сталкиваются с карими глазами Рустема Алиева, а со стороны детской раздается топот двух пар ножек.

— Папа вернулся! — кричит Дамирчик, запрыгивая на руки к Марату Усманову, который даже не успел снять пальто.

— Мама, мы с Дамиром построили башню! — сквозь тревожный шум в ушах я слышу звонкий голос собственного сына.

Взгляд Рустема отрывается от меня и скатывается на темноволосую фигурку Руслана, который внезапно оказывается рядом со мной.

Кровь стынет и отливает от моего лица. Сердце остервенело долбится в клетку ребер. Я поднимаю сына на руки, отчаянно пытаюсь сообразить, как выпутаться из этой ситуации, но на ум не приходит ничего кроме как удариться не то в истеричный смех, не то в слезы.

Сейчас все и Марат с недоверием, и Алия с первобытным ужасом, и Рустем с выражением полного шока на лице смотрят на меня. А я лишь отчаянно прижимаю к груди Русланчика, понимая, что наша с ним жизнь больше никогда не будет прежней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.